

СЛОВА И СМЫСЛЫ. МАССОВЫЕ НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПОНЯТИЯХ ОБЩЕСТВА И ИСТОРИКОВ

Н.А. Мининков

Аннотация. Уяснение внутренней сущности изучаемых явлений и процессов как цель их научного исторического познания предполагает использование вербальных средств, с помощью которых исследователь способен донести собственное понимание их характера и особенностей, того, что он в них считает наиболее существенным. При характеристике массовых народных движений в России, которые привлекали самый большой интерес историков и российского общества, был выработан целый ряд наименований. Наиболее распространенные из них — бунт и мятеж. В XVII–XVIII вв. эти понятия, наряду с понятием воровства, встречаются в законодательстве, документальном материале, в сочинениях историков. В трудах историков государственной школы понятие бунта имело резко негативную коннотацию. Постепенно в дореволюционной историографии это понятие приобретало вполне позитивный смысл. Оно характеризовало протест народа против произвола со стороны власти и помещиков. В советской историографии распространилось понятие крестьянской войны. В трудах современных российских историков понятие бунта приобрело смысл особого явления культуры общества своего времени.

Ключевые слова: язык и смысл, российская общественно-историческая мысль, отечественная историография, бунт, мятеж, крестьянская война.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, namininkov@sfedu.ru.

WORDS AND MEANINGS. MASS POPULAR MOVEMENTS IN TERMS OF SOCIETY AND HISTORIANS

N.A. Mininkov

Abstract. Understanding the inner essence of the studied phenomena and processes as the goal of their scientific historical knowledge involves the use of verbal means by which the researcher is able to convey his own understanding of their nature and features, what he considers to be the most significant in them. When describing the mass popular movements in Russia, which attracted the greatest interest of historians and Russian society, a number of names were developed for them. The most common of these were riot and mutiny. In the 17th–18th centuries, these concepts, along with the concept of theft, are found in legislation, documentary material, and in the writings of historians. In the writings of public school historians, the concept of rebellion had a sharply negative connotation. Gradually, in pre-revolutionary historiography, this concept acquired a completely positive meaning. It characterized the protest of the people against the arbitrariness on the part of the authorities and landowners. In Soviet historiography, the concept of peasant war spread. In the works of modern Russian historians, the concept of rebellion has acquired meaning as a special phenomenon of the culture of the society of its time.

Keywords: language and meaning, Russian socio-historical thought, Russian rebel, the rebellion, the peasant war.

Уяснение внутренней сущности изучаемых явлений и процессов как цели их научного исторического познания предполагает использование вербальных средств, с помощью которых исследователь способен донести собственное понимание их характера и особенностей, того, что он считает в них наиболее существенным. Для этого он выбирает такие средства, которые, по его субъективному мнению, концентрируют в себе все основные смыслы данных явлений и процессов. В этой связи выбор подобных вербальных средств, которые приобретают значение научных понятий, относится к одной из важных проблем методологии исторического исследования. Это не случайно. Значение понятия в историческом познании четко выразил современный французский историк П. Вен: «Теории, типы и понятия суть одно и то же» [Вен, 2003, с. 150].

Другой современный французский теоретик исторического исследования, А. Про, выделил два способа образования и утверждения понятий, принятых в науке, которые несут в себе, по его словам, «определенный уровень обобщения» [Про, 2000, с. 129]. Один из них, как он указывал, находит наиболее адекватное выражение сущности «в языке изучаемого времени». Однако не всегда современники изучаемых явлений и процессов могли выразить их сущность адекватно позднейшим представлениям. В таком случае историк, отмечал А. Про, «вынужден прибегать к понятиям, не связанным с изучаемой эпохой, но являющимся на его взгляд, более подходящими» [Про, 2000, с. 129].

Возникает в этой связи вопрос о том, насколько оправдано такое употребление. Наиболее определенно поставил его П. Вен, причем применительно к основным понятиям, связанным с массовыми народными движениями. По его словам, вообще «мы не можем сказать, что такое бунт и что такое революция; мы говорим о них, не зная толком, что это такое» [Вен, 2003, с. 161]. Определение же их исследователями, отмечал он, «может быть только произвольное», что в любом случае дает основание для сомнения в его правомерности. При этом на уровне обыденного сознания всякого сколько-нибудь политически грамотного современника событий грань между этими понятиями могла пониматься довольно четко и определенно. П. Вен привел в этом отношении пример, который можно считать классическим, когда один придворный, герцог Ла Ларошфуко-Лианкур, отвечал Людовику XVI на королевскую реплику о взятии Бастилии, что это бунт: «Нет, сир, это революция» [Вен, 2003, с. 161]. Есть еще один пример, относящийся к отечественной истории, но несколько менее известный. Как записал в своем дневнике секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий, императрица после чтения книги «Путешествие из Петербурга в Москву» заявила, что ее автор, А.Н. Радищев, — «бунтовщик, хуже Пугачева» [Храповицкий, 1874, с. 199]. Конечно же, ни французский герцог, ни русская императрица, не были носителями научного сознания своего времени. Но они, вместе с тем, знали важнейшие события политической истории европейских стран, и были в этом отношении достаточно подготовлены к тому, чтобы дать оценку явлению политической жизни более точную, чем это мог дать простой обыватель, не знающий истории. Из реплик императрицы и герцога видно, что они четко осознавали,

насколько опасен может быть бунт. Но была еще опаснее, как это следует из слов французского придворного, революция, вроде той, которую пережила Англия при Кромвелле, за сотню с лишним лет до взятия восставшими Бастилии в Париже. Слово «революция» Екатерина II, судя по дневниковой записи своего секретаря о ее реплике по адресу А.Н. Радищева, не произнесла. Но для нее слово «бунтовщик» было синонимом крайней опасности. Тем более, что на памяти был такой «бунтовщик», как Емельян Пугачев, совсем недавно, по словам А.С. Пушкина, «поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов». И, тем не менее, даже живая память о Пугачеве не помешала царице понимать, что может быть еще более серьезная и опасная форма протеста, чем бунт. Сквозь строки прочитанного ей сочинения А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» она ее с характерной для нее пронизательностью вполне разглядела. Несомненно, что этому способствовали дошедшие до Петербурга известия о начавшихся к тому времени революционных событиях во Франции.

Современники массовых движений в Московском государстве XVII в. употребляли для них и для их участников несколько понятий. Прежде всего, их участники квалифицировались как «воры». В Новом летописце упоминаются «воры собаки донские казаки», которые послали «к Гришке Отрепьеву» атамана Корелу «и дары многия», и говорили, что «оне ему все ради» [ПСРЛ, 1910, с. 61]. Понятие «воры» или «воровские люди» в рассказе о событиях восстания под предводительством И. Болотникова и о более поздних событиях в Новом летописце встречается часто. Производным от слова «воры» стало понятие «воровство». Оно включало в себя, в частности, призвание самозванца и действия, направленные против власти. Такое употребление имеется в рассказе Нового летописца о том, что терские казаки «назвали детину Илюшку ... царя Федоровымъ сыномъ, царевичемъ Петромъ, и о томъ писаху къ Гришке къ Ростриге [ПСРЛ, 1910, с. 71]».

По существу, со времени Смуты понятия «воры», «воровские люди», «воровство» утвердилось в русском историческом, правовом и политическом сознании исключительно прочно, причем в разных вариантах. Оно вошло в делопроизводство. Так, в обвинении, предъявленном в 1614 г. в Приказном столе Разряда отставному вожу Сеньке Телятникову, упоминалось, что он «говорил воровские слова». Содержание их было направлено против власти, так как он сказал: «здоровъ бъ де былъ царь Дмитрий» [Новомбергский, 2004, с. 1]. Слово «вор» и производные от него заключали в себе ряд конкретных смыслов. Но все они сводились к выступлениям против власти или к обвинениям в «непригожих речах». Так, в 1624 г. был «бит батоги» тюремный сиделец Хорька Курлов за то, что в пьяном виде заявлял, будто бы у него есть «государево слово», которого у него на самом деле не было. Били его за это по распоряжению воеводы, чтоб ему «впредь так воровать неповадно было» [Новомбергский, 2004, с. 10]. В данном случае слово «воровать» связывалось с ложным доносом в «государевом деле». В качестве понятия, приобретающего юридический смысл, распространялось сочетание слов «ведомый воръ», или тот, за кем было известно какое-то «воровство» в прошлом. В 1625 г. колоднику Якушке Щурову

было сказано, что он «ведомый воръ, напередъ сего въ воровстве не по однажды пойманъ былъ» [Новомбергский, 2004, с. 14]. «Вор» — так был назван Степан Разин в таком важнейшем государственном документе, как «скаска», объявленная предводителю восстания «у казни» 6 июня 1671 г. [Крестьянская война..., 1962, с. 83].

Понятие «вор» держалось очень прочно и сохранялось во время Пугачевского восстания. А.С. Пушкин приводил рассказ о том, как взятого уже в плен Пугачева привезли «прямо на двор к графу Панину», который сказал ему: «Как смел ты, вор, назваться государем?» [Пушкин, 1976, с. 85]. В этом вопросе слово «вор» имело смысл «государственный преступник», поскольку самозванство было государственным преступлением.

Слово «вор» получило настолько широкое распространение, что вошло в язык самого восставшего народа. Одно из воззваний начального периода Булавинского восстания, которое, как указывала Е.П. Подъяпольская, могло быть направлено из крепости Кодак, где зимовал в 1707–1708 гг. Кондратий Булавин [Подъяпольская, 1962, с. 33], начиналось с обращения: «Атаманы-молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники». В данном случае оно теряло свою негативную коннотацию, которая была характерна для него в государственных документах. Напротив, оно приобретало вполне положительный смысл, с указанием на храбрость такого человека, лихость и удачливость. Несколько добавляло такой позитивный смысл соотнесение со словом «разбойники». По наблюдению Н.Я. Аристов, посвятившего истории разбойничества в петровской России специальное исследование, народ в массе своей «сочувствовал» разбойникам «как добрым молодцам, потому что они нападали преимущественно на притеснителей, стояли за его права и свободу» [Аристов, б.г., с. 19]. Таким образом, для участников восстания слово «воры» приобретало совершенно иной, нетрадиционный смысл.

С XVII в. для характеристики массового народного движения использовалось понятие «мятеж». Оно встречается в оглавлении раздела Латухинской степенной книги 1676 г.: «Оглавление на царство Василия Шуйского и на мятежъ въ России» [Латухинская степенная книга, 2012, с. 626]. Также это слово и производные от него широко использовал Сильвестр Медведев. Описывая события мая 1682 г., когда Москва переживала восстание стрельцов, он отмечал, что вскоре после смерти царя Федора Алексеевича среди стрельцов имел место «мятежный совет». Затем, по его оценке, разразился «мятеж немалый», и вообще, это было «бедственное и мятежное время». Слово «мятеж» несло в себе у С. Медведева негативный смысл. Выразился он в том, что его участники, стрельцы, по словам автора, «свирепством ярещеяся, яко звери неукротимыя», совершили множество убийств, описанных им [Сильвестр, 1990, с. 78, 80, 86].

Слово «мятеж» и производные от него, как и слово «вор», также было по своему смысловому наполнению полисемантическим. Оно могло быть связано с носителями какой-то ереси или религиозного протеста. Не случайно в названии главы первой Уложения 1649 г. упоминается «о богохулниках и о церковных мятежниках». В

статье 3 этой главы давалось разъяснение того, что означает «мятежь» в церкви: «непристойные речи патриарху, или митрополиту, или архиепископу и епископу, или архимариту, или игумену и священническому чину» [Российское законодательство..., 1985, с. 85]. Тем самым виновный «божественному пению учинит мятежь». Таким образом, в данном случае под мятежом понимается всякое нарушение порядка в церкви. Но это слово могло означать также крупное народное выступление. Не случайно в Латухинской степенной книге сюжет об окончательном подавлении Разинского восстания в Астрахани начинается заголовком «О освобождении города Астрахани воровскаго мятежа» [Латухинская степенная книга, 2012, с. 754].

К понятию воровства и мятежа примыкало понятие из статьи 18 второй главы Уложения 1649 г. в формулировке «скоп и заговор или иной какой злой умысел». Речь в данном случае не идет о массовом выступлении. Однако говорится о формах подготовки к нему, которой мог быть «заговор» или собрание, способное перерасти в более широкое движение. Статья предусматривала, что «всяких чинов люди», если об этом «сведают или услышат», должны были «про то извещати» [Российское законодательство, 1985, с. 89].

Понятие бунта появляется в Артикуле воинском Петра I. Поскольку Артикул относился к преступлениям, совершаемым в армии, то в артикуле 137 главы семнадцатой «бунт, возмущение или упрямство» поставлены в один ряд, в связи со спецификой воинской службы и возможных на почве ее казусов во взаимоотношениях между военнослужащими. Статья предусматривала, что такое преступление «без всякой милости имеет быть виселицею наказано» [Российское законодательство, 1986, с. 352]. Однако понятие бунта не ограничивалось только преступлением в армии. Более широкое его понимание, как массового выступления народа, давал Феофан Прокопович в речи, посвященной «блаженным и вечнодостоинья памяти Петра Великого». «Бунт донской, бунт астраханский», — говорил он, и указывал, что эти события, а также «измена Мазепина», представляли собой, по его словам, «внутреннее ... терзание» для государства и царя [Феофан (Прокопович), 1961, с. 133].

По существу был единственный случай, когда в документе упоминалась «донская либерия». Оно приведено в письме полковника Григория Шидловского светлейшему князю Меншикову от 13 августа 1708 г. с уверением, что на «минется» [Булавинское восстание, 1935, с. 319].

Во второй половине XVIII в. понятие бунта переходит в русскую историографию. В своем сочинении о самозванцах князь М. М. Щербатов неоднократно употребляет его в связи с событиями, относящимися к Лжедмитрию II. Он писал, что движение его к Москве поддержали донские казаки, и отмечал «упорство казаков в их бунте» [Щербатов, 1793, с. 31]. С начала своего царствования Василий Шуйский, указывал он, «видел повсюду распространяющийся огонь бунта и междоусобия» [Щербатов, 1793, с. 84]. Как «опасный бунт» он характеризовал Разинское восстание [Щербатов, 1793, с. 168].

Уделяя в своей «Истории о донских казаках» значительное внимание Разинскому восстанию, первый историк донского казачества генерал А.И. Ригельман говорил о предводителе восстания: «Разбойник и бунтовщик Разин» [Ригельман, 1992, с. 94]. В качестве «бунтовщиков» и «мятежников» он также называл восставших казаков [Ригельман, 1992, с. 110, 111]. Также Ригельман писал о начале Пугачевского «бунта» и его «искоренении». Пугачев, по его словам — «возмутитель черни, суще глутого, простого и слепого народа» [Ригельман, 1992, с. 164]. О бунте в России писал Н.М. Карамзин, относя его ко времени восстания под предводительством Ивана Болотникова. При этом, согласно Н.М. Карамзину, Болотников также называл своих противников «кровопийцами, злодеями, бунтовщиками, а Царя Василия Шубником» [Карамзин, 1989, стб. 20].

Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков упоминал о чтении митрополитом астраханским Иосифом в 1671 г. царской грамоты в Астрахани, которую выслушивало «скопище бунтовщиков» [Сухоруков, 2001, с. 294]. Разинское восстание он называл «возмущением против отечества» [Сухоруков, 2001, с. 269], вкладывая в это понятие тот же негативный смысл, что и в слово «бунт». Он вообще писал о «государственной измене» Разина [Сухоруков, 2001, с. 284].

С тех пор понятие бунта по отношению к массовому народному выступлению стало прочной составной частью русской исторической мысли и исторической науки. Менялось только, при сохранении и постоянном воспроизводстве вербальной формы, смысловое наполнение. Негативная коннотация долго сохранялась. Но в отношении его места в концепции русской истории характеристика бунта менялась. Так, в трудах историков эпохи Просвещения и первой половины XIX в. бунт рассматривался как явление, разрушительное для общества и государства, как выход его участников из-под контроля власти, а также убийства, грабежи и насилия как следствие этого. В целом и среди историков середины–второй половины XIX в. такое отношение к бунту сохранялось. Но С.М. Соловьев нашел более глубокое объяснение подобным событиям в рамках своей концепции истории России. Рассматривая государство как созидательную силу в истории страны, способную обеспечить ее развитие, он по-своему в этой связи решал вопрос о месте государства и народа в отечественно истории. В самом народе выдающийся историк выделял две части. Одну из них составляли люди, «которые разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным, потому, что были поставлены в самые неблагоприятные обстоятельства, должны были преодолевать страшные трудности, ... бороться с природою-мачехою, при ничтожных средствах защищать страну от врагов, нападавших на нее со всех сторон». Отсюда итог исторического вклада этой части народа, который С.М. Соловьев ценил исключительно высоко: они создали «крепкую народность, крепкое государство». К другой части он относил тех, «которые, как бичи божьи, приходили из степей, чтобы вносить смуту и опустошение в родную землю, которые умели только разрушать и не умели ничего создать» [Соловьев, 1984, с. 27]. Под ними он имел в виду казаков. А под смутой, которая шла от них — народные бунты, причем Разинское восстание он характеризовал в

качестве «явления, известного в нашей истории под именем бунта Стеньки Разина» [Соловьев, 1991а, с. 277]. Но в качестве бунтов он упоминал не только восстания, в которых участвовали казаки, но и выступление стрельцов в 1682 г. Несколько событий при Петре I он также оценивал в качестве бунтов. К ним он отнес бунты астраханский, Булавинский на Дону и башкирский. Аналогичный смысл имело понятие смуты и мятежа, использовавшееся С.М. Соловьевым. Смутой, помимо событий начала XVII в., он назвал московские события 1682 г. с выступлением стрельцов [Соловьев, 1991b, с. 252], мятежом и бунтом он называл восстание в Башкирии [Соловьев, 1993, с. 168, 170], упоминал «астраханский бунт» [Соловьев, 1993, с. 171]. Всем мерам государства по подавлению смуты, бунтов и мятежей С.М. Соловьев давал самую положительную оценку.

Разинское восстание Н.И. Костомаров характеризовал как «мятеж», участники которого «бунтуют», и одновременно как «кровавая драма», вызванная носителями «духа восстания» [Костомаров, 1995, с. 102, 106]. Но негативные характеристики движения не препятствовали историку видеть в нем более глубокое содержание, чем стремление к грабежу. Этот «мятеж», согласно Н.И. Костомарову, имел свою прочную социальную основу. Восставшие, указывал он, стремились «ниспровергнуть правление бояр и приказных людей, со всяким тяглом, с поборами и службами». Оно должно быть заменено иным порядком, «казацким, вольным, для всех равным, выборным, общенародным» [Костомаров, 1995, с. 106]. При этом Н.И. Костомаров ставил относящийся к Разинскому восстанию вопрос, не поднимавшийся ранее в историографии, в контексте так называемой альтернативной истории, интерес к которой в наши дни значительно возрос. Он рассуждал, к чему могла привести победа «народных волнений». Это, по его мнению, были бы не только «тяжелые потрясения». Главное, считал он, страна «возвратилась бы к старому порядку», и идеальное для народа «казацкое устройство» неизбежно приводило к тому, что получила Малороссия в результате своей войны с Речью Посполитой [Костомаров, 1995, с. 106].

Понятие «бунт» использовал Е.Ф. Шмурло при характеристике массовых движений XVII в., в том числе Разинского восстания [Шмурло, 2005, с. 197, 198, 199]. Негативные оценки связанных с Разинским бунтом явлений он подчеркивал, и писал, что «разинцы ознаменовали свой путь пожарами, убийством, насилием» [Шмурло, 2005, с. 200]. Он обратил внимание на позитивный «ореол» имени Разина в народе. Но это, по его словам, говорило «о тяжелой болезни, поразившей в XVII в. государственный организм России, о глубоком разладе между высшими и низшими классами общества, богатыми и бедными, сильными и слабыми». Причины этого, указывал он, были «несправедливость и произвол правящих лиц», «отсутствие правосудия», «тяжелый материальный гнет» [Шмурло, 2005, с. 201].

Еще более заметная смена негативной коннотации понятия «бунт» на вполне позитивную имела место в трудах донских историков начала прошлого века. По словам Е.П. Савельева, в 1670 г. Степан Разин двинулся с Дона на Волгу, «чтобы поднять знамя открытого бунта против социального строя России» [Савельев, 1918,

с. 356]. Такой его поход со своими казаками был не случаен. Московские порядки, сам «строй московского правительства», справедливо подчеркивал Е.П. Савельев, «приводил в ужас всех иностранцев, посещавших Россию» [Савельев, 1918, с. 356]. Но эти порядки, писал он, мог видеть Разин во время своего хождения на поклонение святым угодникам в Соловецкий монастырь, через всю Россию с юга на север. Увиденное в России, согласно Е.П. Савельеву, Разина просто потрясло. «Пришел в ужас» от этих порядков не только европейский писатель, но и «свободолюбивый Разин», наблюдая сцены «бесправия и гнета русского крестьянства, возведенного московским абсолютизмом на степень скота». Все это вызвало его стремление «перевернуть весь социальный строй России вверх дном и учредить "по градам и весям" казачий строй, казачий круг» [Савельев, 1918, с. 357]. Такой же позитивный смысл вкладывал Е.П. Савельев в понятие «мятеж», говоря о Булавинском восстании [Савельев, 1918, с. 403]. Напротив, противники восставшего казачества из числа низовых донских казаков названы были им как «прикормленники центральной власти на Дону» [Савельев, 1918, с. 403]. Указывал он и на то, что в «казацких мятежах» «всегда были изменники» из числа самих казаков [Савельев, 1918, с. 406]. Таким образом, «бунт» и «мятеж» казаков оценивались им как положительные явления, когда казаки вели борьбу за свободу. Выдающийся историк казачества С.Г. Сватиков вообще не употреблял понятия «бунт» и «мятеж». Он говорил о восстании во главе с Разиным, и о том, что вообще голутвенное казачество «мечтало о мести московским порядкам, о насаждении всюду казачьего устройства», и даже «о социальной революции» [Сватиков, 1924, с. 101]. По отношению к движению под предводительством Кондратия Булавина С.Г. Сватиков также использовал понятие «восстание». Но окончательно от понятия «бунт» он не отказался, отмечая, что «Булавин пытался поднять бунт в Азове» [Сватиков, 1924, с. 143]. В контексте его концепции, согласно которой «великая метрополия» стремилась полностью подчинить «вольную колонию», восстание казаков получало самый позитивный смысл [Сватиков, 1924, с. 145].

Таким образом, понятие «бунт», как и связанные с ним понятия «мятеж» и другие, при сохранении своей традиционной негативной коннотации, приобрели новый смысл. Заключался он в том, что эти понятия прочно связывались историками с социальными и культурными противоречиями русского общества, которые вызвали такие явления.

Социальное и отчасти социокультурное наполнение понятия бунта получило свое развитие в ранней советской историографии. В своей «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровский принял понятие «бунт» применительно к Разинскому и Пугачевскому восстаниям [Покровский, 1965, с. 117, 119, 121]. Отношение его к восстанию было, несомненно, позитивным. В пугачевских манифестах он видел «коренное преобразование, уничтожавшее весь смысл существования крепостнического государства», с уничтожением «не только прямой эксплуатации крестьян через крепостное право, но и косвенное, через подати» [Покровский, 1934, с. 109]. При этом, писал он, Пугачев сохранял самодержавие. Но, по его мнению,

даже позитивное отношение к царской власти, которое было неизбежным от самозванного Петра III, «нельзя ставить ему в вину». Такое отношение было в русском обществе весьма устойчивым, и не случайно, как «мы знаем, что 100 лет спустя образованные люди, профессора, думали, что можно освободить народ, а царскую власть в России оставить» [Покровский, 1934, с. 109]. Таким образом, смысл понятия «бунт» поменялся по существу на противоположный. Советский историк видел сущность его не в буйстве, грабежах и убийствах, а в борьбе народа за свое освобождение, в соответствии с представлениями своего времени, без крепостного права и помещиков, но со своим народным императором, в образе которого предстал перед восставшими Емельян Пугачев.

В советской историографии последующего времени понятие «бунт» по существу не использовалось. Считалось, что в силу своей смысловой наполненности оно может принадлежать только к трудам историков, негативно относившихся к народной борьбе, то есть историков «дворянских» и «буржуазных». Оно осталось только в немногих устойчивых выражениях, вроде таких, как «Соляной бунт» и «Медный бунт». Крупнейшие массовые народные движения стали называться крестьянскими войнами, в соответствии с тем, как Ф. Энгельс назвал в своей статье крестьянской войной народное восстание в Германии 1524–1525 гг. под предводительством Томаса Мюнцера. Менее масштабные движения назывались просто восстаниями.

Эти понятия уже имели место в учебной литературе второй половины 30-х гг. XX в. В ней назывались три крестьянские войны в России – начала XVII в., а также под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева. После исследования Е.П. Подъяпольской крестьянской войной стали также считать Булавинское восстание [Подъяпольская, 1962, с. 197]. Особое внимание крестьянским войнам в советской историографии стали уделять в 70-х гг. XX в. Это было вызвано юбилейными датами – трехсотлетием Разинского и двухсотлетием Пугачевского восстаний. В это же время исследователи выделяли самые типичные признаки этих исторических явлений. Прежде всего, подчеркивалось, что они играли историческую роль как «высшей формы проявления классовой борьбы в феодальной России» [Крестьянские войны..., 1974, с. 35]. В них усматривалась «разновидность гражданской войны». Они по существу «так или иначе затрагивали все население» [Крестьянские войны..., 1974, с. 10], и в них стоял «вопрос о власти» [Крестьянские войны..., 1974, с. 11]. В них восставшие «ведут борьбу не за уступки, а за ликвидацию крепостнической системы в масштабе всей страны» [Крестьянские войны..., 1974, с. 37]. Влияние их на внутреннюю жизнь страны оценивалось как очень значительное. Это были движения, которые «потрясали до основания устои общественного строя России XVII–XVIII вв.» [Крестьянские войны..., 1974, с. 34] Вместе с тем указывались причины их конечного поражения. Одной из важнейших причин указывалась «беспомощность политического сознания крестьянства, неспособность его сформулировать программу нового политического устройства, выходящего за рамки традиционного политического строя» [Крестьянские войны..., 1974, с. 33].

Начиная с середины 80-х гг. XX в. концепция четырех крестьянских войн в России была подвергнута критике. Основанием для нее выдвигалось отсутствие крестьян в некоторых массовых движениях, считавшихся крестьянскими войнами. Прежде всего, это относилось к оценке событий Смуты. Так, Р.Г. Скрынников отмечал: «Никаких доказательств массового участия крестьян в разбое в источниках нет» [Скрынников, 1997, с. 387], имея в виду события еще до похода на Москву Лжедмитрия I. Не были, как он подчеркивал, крестьяне также «главной движущей силой» народного выступления во время движения на Москву самозванца в 1604–1605 гг. и во время восстания Болотникова, такую силу он видел в жителях городов [Скрынников, 1988, с. 79]. Это восстание он называл гражданской войной, но не крестьянской войной. Такую же оценку событиям начала XVII в. давали другие более поздние исследователи. И.О. Тюменцев указывал, что пережитые в то время страной бурные события «являлась гражданской войной, которая с 1608 г. была осложнена вмешательством иноземных наемников, а в 1609–1611 гг. — интервенцией Речи Посполитой и Швеции» [Тюменцев, 2008, с. 577]. То же самое относилось к Булавинскому восстанию. Н.И. Павленко писал, что вообще в ходе массовых народных движений «казаки пеклись не о крестьянских, а о своих сословных интересах» [Павленко, 1986, с. 63, 66], причем Булавинское восстание было по составу участников исключительно казачьим, и не могло быть поэтому признано крестьянской войной.

Но это не означало отказа историков конца прошлого и начала нынешнего века от понятия крестьянской войны вообще. Оно совершенно справедливо стало использоваться для выражения социальной сущности массовых выступлений крестьян в Гражданской войне 1918–1921 гг., в том числе движения крестьян Южной Украины во главе с Нестором Махно и восстания тамбовских крестьян 1921 г. под предводительством эсера Александра Антонова [Алешкин, Васильев, 2012; Грациози, 2001; Самошкин, 2005; Сафонов, 1998].

Что же касается массовых народных движений в России XVII–XVIII вв., то для них вновь стало использоваться понятие бунта, или русского бунта. Тем самым, во-первых, признавалось, что это понятие более соответствует сущности исторического явления, чем понятие крестьянской войны. Во-вторых, указание на русский бунт содержало представление, что это явление может иметь свою специфику в зависимости от особенностей страны. И, наконец, понятие бунта, принятое в современной отечественной историографии, имеет иной смысл, чем это было в трудах дореволюционных историков. В нем подчеркивалась культурно-историческая составляющая, причем сам бунт рассматривался как особый российский культурный феномен, порожденный условиями существования российского общества, его системой ценностей и ментальностью. Подобное понимание русского бунта содержится за последнее время в трудах историков Разинского восстания В.М. Соловьева и Пугачевского восстания В.Я. Мауля. Историки особое внимание обращали на черты культуры и ментальности как участников восстания, так и их противников, между которыми видели существенное сходство. Это не случайно, поскольку в

качестве главной черты, определявшей действия тех и других в условиях бунта, они отмечали страшную жестокость и насилие. Поэтому В.М. Соловьев указывал на свое несогласие с теми, кто «уповает на очистительную силу бунта» [Соловьев, 1994, с. 220]. Также поэтому, по его словам, «пафосный заповедь крестьянских войн», характерный для советской историографии, ныне «представляется неуместным» [Соловьев, 1994, с. 221]. На психологическую природу бунта, на связь его «с народным монархизмом, основанным на идее “истинного” царя», указывал В.Я. Мауль [Мауль, 2005, с. 7]. Все действия восставших, подчеркивал он, вытекали из особенностей психологии русского человека. Указывая на «русское долготерпение», он обращал внимание на такую его неизбежную оборотную сторону, как «страсть, бунт, непокорность» [Мауль, 2003, с. 95]. Сделанный им анализ форм повстанческого насилия в ходе бунтов показывал связь его не только с народной культурой, но и с культурой верхов русского общества. Четкую характеристику отношения к восставшим давал М. Чертанов. «При советской власти Разин был — хорош; при империи — плох» [Чертанов, 2016, с. 6], — отмечалось автором. В наши дни такой четкости нет. Обращая внимание на кровавые ужасы бунта, современные историки в то же время справедливо указывают на широкую популярность Степана Разина в народе. Они, по существу, выражают согласие с мнением молодого А.С. Пушкина, писавшего в письме брату в ноябре 1824 г. о Разине как о «единственном поэтическом лице русской истории» [Пушкин, 1977, с. 112].

Еще одним направлением современного исследования стал критический анализ источников и выявление степени их достоверности. Интересная работа в отношении сообщений о Степане Разине и событий Разинского восстания в источниках, в трудах историков и в произведениях писателей была проделана М. Чертановым. Современное историческое исследование также отличается особым вниманием к пониманию человека прошлого и его культуры. В том, что касается истории народных движений, то такое направление их исследования проявилось в анализе информационного пространства Булавинского восстания Д.В. Сенем. Это касается переписки Кондратия Булавина с кубанскими казаками-старообрядцами, реакции на нее со стороны крымских и турецких властей, а также российской администрации в Азове. Как подчеркивает Д.В. Сень, такая переписка может быть понята «в контексте борьбы казачества за свое “исконное” право на внешнеполитические отношения, ликвидированное после присяги 1671 г.» [Сень, 2020, с. 204]. Еще одним вопросом, относящимся к пониманию массовых выступлений и действий в них восставших, является анализ поводов для них. Такой анализ проделал О.Г. Усенко, особо выделявший такие поводы, как распространявшиеся в обществе слухи и появление самозванцев [Усенко, 1992, с. 48, 49]. Заметно при этом, что современные авторы не всегда используют понятие «бунта». Такие понятия, как восстание и выступление, также встречаются в трудах историков нашего времени.

За последнее время также было обращено внимание на распространенную в общественно-исторической мысли России память о бунтах и восстаниях. «По огромной

Российской империи бродил призрак русского бунта» [Урушадзе, 2020, с. 58], — справедливо указывает современный историк А.Т. Урушадзе, писавший о массовом движении 1792–1794 гг. донских казаков против грубейшего нарушения властями традиций переселения казаков на другие территории, принятых в Войске Донском. Этот призрак был в конце XVIII в. очень живым. Он относил память общества к реалиям недавнего Пугачевского восстания. Конечно же, о том, что массовые движения народа оставили значительный след в памяти русского общества, указывалось не раз. В этой связи в трудах советских историков нередко цитировалось высказывание В.И. Ленина из статьи «О чем думают наши министры» от 1895 г. Говоря в ней о письме министра внутренних дел И.Н. Дурново с упоминанием в программе воскресных чтений Разина и Пугачева, он писал: «Должно быть, эти имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы» [Ленин, 1958, с. 79]. Но в наши дни память о массовых движениях народа не просто представляет собой воспоминание о самоотверженной борьбе и исторических трагедиях народа. В современной исторической науке историческая память стала самостоятельной большой проблемой, вызывающей особый интерес. И в этой связи такой «бунт», как Разинское и Пугачевское восстание, как некоторые другие восстания в России, выдвигается на уровень одного из самых значимых мест российской исторической памяти. Анализ новейшей историографии Разинского восстания проведен в статье Д.В. Сеня [Сень, 2021].

Таким образом, массовые народные движения в России пользовались большим общественным вниманием и представляли самый значительный интерес для историков. Они получили в историографии и в общественно-исторической мысли ряд наименований, в которых делались попытки выразить их сущность. Среди них наиболее распространенным понятием был «бунт», к следующим по степени распространения относилось понятие «мятеж». Смысловая наполненность их при этом менялась, с направлением в сторону общего ослабления негативной коннотации. Проявлялось стремление выяснить социальные причины этих явлений, а в последние годы понять выражение в них характера и особенностей культуры общества. Было заметно, что с критикой советской историографии, развернувшейся в начальный период существования постсоветской России, в целом внимание к массовым народным движениям было ослаблено. Но за последнее время, в связи с усилением нестабильности в российском обществе, имеет место новый подъем интереса к этой проблематике, исследование которой получает свои новые и весьма интересные перспективы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От маховщины до антоновщины. М.: Вече, 2012. 396 с.

Аристов Н.Я. Разбойники и беглые времен Петра Великого (1682–1725 гг.). [Б.м.: б.г.] 28 с.

Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М.: Изд-во всесоюзного общества политка-торжан и ссыльнопоселенцев, 1935. 527 с.

Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 95 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. Кн. 3. Т. 12. М.: Книга, 1989. Стб. 1–199; 1–147.

Костомаров Н.И. Стенька Разин // *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 2 кн. Кн. 2. М.: Сварог, 1995. 815 с.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 491 с.

Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. 447 с.

Латухинская степенная книга. 1676 год. Изд. подгот. Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов; отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012. 880 с.

Ленин В.И. О чем думают наши министры // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. В 55-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1958. С. 77–90.

Мауль В.Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 161 с.

Мауль В.Я. Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 219 с.

Новомбергский Н.Я. Слово и дело государево. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 624 с.

Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // *Социально-экономическое развитие России.* М.: Наука, 1986. С. 62–75.

Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. 1707–1709 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 216 с.

Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Учпедгиз, 1934. 259 с.

Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен (т. 3 и 4) // *Покровский М.Н.* Избранные произведения в 4-х кн. Кн. 2. М.: Мысль, 1965. 664 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. Т. 14. Первая половина. СПб.: издание Археологической комисс., 1910. 154 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 336 с.

Пушкин А.С. История Пугачева // *Пушкин А.С.* Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1976. С. 3–153.

Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1977. 462 с.

Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1992. 224 с.

- Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. М.: Юрлит, 1985. 512 с.
- Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. М.: Юрлит, 1986. 512 с.
- Савельев Е.П. История казачества (Историческое исследование). Ч. 3. Новочеркасск, 1918. 443 с.
- Самошкин В.В. Антоновское восстание. М.: Русский путь. 2005. 360 с.
- Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: Оренбург. губерния, 1998. 314 с.
- Сватиков С.Г. Россия и Дон. Белград: Изд-во ДИК, 1924. 592 с.
- Сень Д.В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «тема закрыта»?): Часть I // Историческая экспертиза. 2021. URL: https://istorex.ru/New_page_136 (дата обращения – 01 июня 2021 г.).
- Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избранные труды. Отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. 420 с.
- Сильвестр (С.А. Медведев). Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 45–200.
- Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997. 496 с.
- Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988. 256 с.
- Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. 252 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. 6. М.: Мысль, 1991а. 671 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. 7. М.: Мысль, 1991b. 701 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. 8. М.: Мысль, 1993. 639 с.
- Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 232 с.
- Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001. 516 с.
- Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. 686 с.
- Урушадзе А.Т. Вольная вода. Истории борьбы за свободу на Дону. М.: Изд-во Новое литературное обозрение, 2020. 304 с.
- Усенко О.Г. Повод в народных выступлениях XVII–первой половины XIX века в России // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1992. № 1. С. 39–50.

- Феофан (Прокопович). Сочинения. Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 504 с.
- Храповицкий А.В. Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1793. СПб.: А.Ф. Базунов, 1874. 610 с.
- Чертанов М. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 2016. 381 с.
- Шмурло Е.Ф. История России IX–XX вв. М.: Вече, 2005. 448 с.
- Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1793. 203 с.

REFERENCES

- Aleshkin P.F., Wasiliev Iu.A. *Krestianskie vosstsnia v Rossii v 1918–1922 gg. Ot mahn-ovshiny do antonovshiny* [Peasant uprisings in Russia in 1918–1922. From the Makhnovshchina to the Antonovshchina]. Moscow, Weche, 2012. 396 p.
- Aristov N.Ia. *Razboiniki i beglye wremen Petra Velikogo (1682–1725 gg.)* [Robbers and fugitives of the time of Peter the Great (1682–1725)]. [B.m.: b.g.] 28 p. (in Russian).
- Bulavinskoe vosstanie (1707–1708 gg.)* [Bulavin rebellion (1707–1708 years)]. Moscow: Izd-vo vsesouznogo obshchestva politkayotzhan i ssylno-poselencev, 1935. 527 p. (in Russian).
- Ven P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [How they write history. Epistemology experience]. Moscow: Nauchnyy mir, 2003. 394 p. (in Russian).
- Graviozi A. *Velikaia krestianskaia voina v SSSR. Bolsheviki i krestiane. 1917–1933* [The Great Peasant War in the USSR. The Bolsheviks and the peasants. 1917–1933]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 95 p. (in Russian).
- Karamzin N.M. *Istoria gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State]. V 4 kn. Kn. 3. Vol. 12. Moscow: Kniga, 1989. Stb. 1–199; 1–147 (in Russian).
- Kostomarov N.I. Stenka Razin [Stenka Razin], in Kostomarov N.I. *Russkaia istoria v zhizneopisaniakh ee glavneishih deiatelei. V 2 kn.* [Russian History in the lives of its most important figures. In 2 books]. Kn. 2. Moscow: Svarog, 1995. 815 p. (in Russian).
- Kresyianskaia woyna pod predvoditelstvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov* [The Peasant War under the leadership of Stepan Razin. Collection of documents]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962. 491 p. (in Russia).
- Kresyianskaie voyny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, reshenia* [Peasant Wars in Russia of the 17th–18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow: Nauka, 1974. 447 p. (in Russian).
- Latuhpnskaia stepennaia kniga. 1676 god* [Latuginska the book of degrees. 1676]. Izd. podg. N.N. Pokrovsky, A.W. Sirenov; ed. by N.N. Pokrovsky. Moscow: lazyki slavianskoj kultury, 2012. 880 p. (in Russian).

- Lenin V.I. O chem dumaiut nashi ministry [What are our ministers thinking about], in Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. V 55 t.* [Complete set of works. In 55 vol.]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat, 1958. Pp. 77–90 (in Russian).
- Maul V.Ia. *Sociokulturnye aspekty izucheniia russkogo bunta* [Sociocultural aspects of the study of the Russian Revolt]. Tomsk: Izd-vo Tgu, 2005. 161 p. (in Russian).
- Maul V.Ia. *Harizma i bunt: psihologicheskaia priroda narodnykh dvizhenii v Rossii XVII–XVIII vekov* [Charisma and Rebellion: the Psychological Nature of Popular Movements in Russia of the 17th–18th Centuries]. Tomsk: Izd. Tgu, 2003. 219 p. (in Russian).
- Novonbergsky N.Ia. *Slovo i selo gosudarevo* [The word and deed of the sovereign]. Vol. 1. Moscow: lazyki slavianskoi kultury, 2004. 624 p. (in Russian).
- Pavlenko N.I. K voprosu o roli donsogo kazachestva v kresyianskikh woynah [On the role of the Don Cossacks in the peasant wars], in *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Socio-economic development of Russia]. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 62–75 (in Russian).
- Podiapolskaia E.P. *Vosstanie Bulavina. 1707–1710 gg.* [The Bulavin Uprising. 1707–1709]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962. 216 p. (in Russian).
- Pokrovsky M.N. *Russkaia istoria v samom szhatom ocherke* [Russian history in the most concise essay]ю Moscow: Uchpesgiz, 1934. 259 p. (in Russian).
- Pokrovsky M.N. *Russkaia istoria s drevneishih vremen (t. 3 i 4)* [Russian history since ancient times (vol. 3 and 4)], in Pokrovsky M.N. *Izbrannye proizvedeniia v 4 kn.* [Selected compositions in 4 books]. Kn.2. Moscow: Mysl', 1965. 664 p. (in Russian).
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdannoye po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissiyey. T. 14. Pervaya polovina* [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. 14. First half.]. St. Petersburg: Izdaniye Arkheograficheskoy kommis., 1910. 154 p. (in Russian).
- Pro A. *Dvenadcat urokov istorii* [Twelve lessons in History]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2000. 336 p. (in Russian).
- Pushkin A.S. *Istoria Pugachova* [The History of Pugachev], in Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii v 10 t.* [Collected works in 10 vol.]. Vol. 7. Moscow: Hudozhestvennaia literatura, 1976. Pp. 3–153 (in Russian).
- Pushkin A.S. *Sobr. Soch w 10 t* [Collected works in 10 vol.]. Vol. 9. Moscow: Hudozhestvennaia literatura, 1977. 462 p.
- Rigelman A.I. *Istoria o donskih kazakah* [The Story of the Don Cossacks]. Rostov-na-Donu: Rostizdat, 1992. 224 p. (in Russian).
- Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 t.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vol.]. Vol. 3. Moscow: Iurlit, 1985. 512 p. (in Russian).
- Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 t.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. In 9 vol.]. Vol. 4. Moscow: Iurlit, 1986. 512 p. (in Russian).
- Saveliev R.P. *Istoria kazachestva (Istoricheskoe issledovanie)* [History of the Cossacks (Historical Research)]. Part 3. Novocherkassk, 1918. 443 p. (in Russian).

- Samoshkin V.V. *Antonovskoe vosstanie* [The Antonov Uprising]. Moscow: Russky put'. 360 p. (in Russian).
- Safonov D.A. *Velikaia kresyianskaia voyna 1920–1921 gg. i luzhny Ural* [The Great Peasant War of 1920–1921 and the Southern Ural]. Orenburg: Orenburg. gubernia, 1998. 314 p. (in Russian).
- Svatikov S.G. *Rossia i Don* [Russia and Don]. Belgrad: Izd-vo DIK, 1924. 592 p. (in Russian).
- Sen' D.V. Narodnoe dvizhenie pod predvoditelstvom S.T. Razina v istoriografii serediny 1990–2000 gg. (Novyi etap izucheniia ili "tema zakryta"?). Chast' I [The People's Movement under the lead by of S.T. Razin at the historiographie of the mid 1990–2000s. (A new stage of studying or "topic is closed"?). Part I], in *Istoricheskaia expertiza*. 2021. Available at: https://istorex.ru/New_page_136 (accessed 01 June 2021 г.).
- Sen' D.V. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranchie: prostrenstvo, iavlenia, ludi (koniec XVII–XVIII v.): Izbrannye trudy* [Russian-Crimean-Ottoman borderland: areas, phenomena, people (ending of the 17th–18th centuries): Selected works]. Ed. by V.V. Trepavlov. Rostov-on-Don: Altair Publ., 2020. 420 p. (in Russian).
- Silvestr (S.A. Medvedev). Sozercanie kratkoe let 7190, 91 i 92, w nih zhe chto sodeiasia wo grazhdanstve [A brief contemplation of the years 7190, 91 and 92, in them what is done in citizenship], in *Rossia pri carevne Sofit i pri Petre I. Zapiski russkih ludei* [Russia under Tsarevna Sophia and Peter I: Notes of Russian People]. Moscow: Sovremennik, 1990. Pp. 45–200 (in Russian).
- Skrynnikov R.G. *Istoria Rossiiskaia. IX–XVII vv.* [The History of Russia. 9th–17th centuries]. Moscow: Ves' mir, 1997. 496 p. (in Russian).
- Skrynnikov R.G. *Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov* [The troubles in Russia at the beginning of the 17th century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad: Nauka, 1998. 256 p. (in Russian).
- Soloviov V.M. *Anatomia russkogo bunta. Stepan Razin: mify i realnost* [Anatomy of the Russian Revolt. Stepan Razin: myths and reality]. Moscow: TIMR, 1994. 252 p. (in Russian).
- Soloviov S.M. *Istoria Rossii s drevneishih vremen* [The history of Russia since ancient times], in Soloviov S.M. *Sochinenia v 18 kn.* [Essays in 18 books]. Kn. 6. Moscow: Mysl, 1991a. 671 p. (in Russian).
- Soloviov S.M. *Istoria Rossii s drevneishih vremen* [The history of Russia since ancient times], in Soloviov S.M. *Sochinenia v 18 kn.* [Essays in 18 books]. Kn. 7. Moscow: Mysl, 1991b. 701 p. (in Russian).
- Soloviov S.M. *Istoria Rossii s drevneishih vremen* [The history of Russia since ancient times], in Soloviov S.M. *Sochinenia v 18 kn.* [Essays in 18 books]. Kn. 8. Moscow: Mysl, 1993. 639 p. (in Russian).
- Soloviov S.M. *Publichnye chtenia o Petre Velikom* [Public readings about Peter the Great]. Moscow: Nauka, 1984. 232 p. (in Russian).
- Suhorukov V.D. *Istoricheskoe opisaniie Zemli Woiska Donskogo* [Historical description of the Land of the Don Army]. Rostov-on-Don: GinGo, 2001. 516 p. (in Russian).

Tumencev I.O. *Smutnoe vremia v Rossii v nachale XVII stoletia. Dvizhenie Lzhedmitria II* [The Time of Troubles in Russia at the beginning of the 17th century. The False Dmitry II Movement]. Moscow: Nauka, 2008. 686 p. (in Russian).

Urushadze A.T. *Vol'naya voda. Istoriya bor'by za svobodu na Donu* [Free water. The history of the struggle for freedom on the Don]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 304 p. (in Russian).

Usenko O.G. Povod v narodnyh vystupleniah XVII–pervoi poloviny XIX veka [The occasion in folk performances of the 17th–first half of the 19th century in Russia], in *Vestnik MGU. Seria 8. Istorica*. 1992. No. 1. Pp. 39–50 (in Russian).

Feofan (Prokopovich). *Sochinenia* [Essays]. Ed. by I.P. Eremina. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961. 504 p. (in Russian).

Khrapovitskiy A.V. *Dnevnik A.V. Khrapovitskogo. 1782–1793* [Diary of A.V. Khrapovitsky. 1782–1793]. St. Petersburg: A.F. Bazunov, 1874. 610 p. (in Russian).

Chertanov M. *Stepan Razin* [Stepan Razin]. Moscow: Molodaia gvardia, 2016. 381 p. (in Russian).

Shmurlo E.F. *Istoria Rossii IX–XX vv.* [History of Russia 9th–20th centuries]. Moscow: Weche, 2005. 448 p.

Sherbatov M.M. *Kratkaia povest o byvshih v Rossii samozvancah* [A short story about the former impostors in Russia]. St. Petersburg: [Tip. Akad. nauk], 1793. 203 p. (in Russian).